

геевичем и Варварой Петровной состоялся следующий разговор.

Мать: А я так постичь не могу, какая тебе охота быть писателем? Дворянское ли это дело? Сам говоришь, что Пушкиным не будешь... Ну еще стихи... такие, как его... пожалуй, а писатель! Что такое писатель?.. Писатель и писец, одно и то же! И тот, и другой за деньги бумагу марают... Дворянин должен служить и составить себе карьеру и имя службой, а не бумагомаранием. Да и кто же читает русские книги? Определится бы ты на настоящую службу, получал бы чины, а потом и женился бы, ведь ты теперь один можешь поддержать род Тургеневых!

Сын: Ну уж это, мама, извини — не жди — не женюсь! Скорей твоя Спасская церковь на своих двух крестах трепака заплещет, чем я женюсь.

А я так вот чего не пойму, почему ты, мама, с таким презрением говоришь о писателях? Было время, что вы все барыни бегали за Пушкиным, — сама ты любила и уважала Жуковского!

Мать: Ах, это совсем другое дело — Жуковский! Как было не уважать его — ты знаешь, как близок он был ко двору!

Храм Спаса Преображения в Лутовиново не заплескал на двух крестах. Тургенев хоть и имел внебрачных детей, но женат ни разу не был, так что дворянский род Тургеневых угас.

Строгая мать не одобряла не только литературную карьеру младшего сына, но и личную жизнь обоих сыновей. Николай тайно обвенчался с Анной Яковлевной Шварц, камеристкой матери. А Ивану белошвейка Авдотья Иванова родила дочь Пелагею (Полину), позднее воспитывавшуюся у Полины Виардо. Оба сына старались держаться подальше от Варвары Петровны. Николай с женой жил в отдельном доме в Москве, Иван предпочитал проводить время за пределами России. В 1846 году он в очередной раз уехал за границу, получив от матери весьма скромную сумму денег.

Часто окружающие слышали, как Варвара Петровна с утра говорила «надо Ванечке денег послать», а ближе к вечеру — «Ах! Вот опять забыла! Завтра надо за границу деньги посылать».

В 1849 году Варвара Петровна, видимо, предчувствуя скорую кончину, стала зазывать сыновей в родное имение. Ивану было послано 600 рублей на дорогу. Николай в вежливых выражениях попросил у матери согласия на брак.

Иван Сергеевич написал, что готов приехать, если мать вышлет еще денег на дорогу, так как присланных ею 600 рублей не хватило даже на уплату его долгов за три года, в течение которых он не получал от матери ни гроша. На этом переписка оборвалась.

В 1850 году Варвара Петровна Тургенева скончалась. При разделе наследства Иван Сергеевич оставил себе лишь имение Спасское-Лутовиново. «Все хорошие (устроенные) имения и все движимое имущество, в том числе бриллианты, жемчуг, золото, серебро, бронза, фарфор, а также конский завод, экипажи, сбруя, упряжи, дорогая мебель, зеркала, даже фамильные портреты, — все было уступлено беспрекословно Николаю Сергеевичу» («Из воспоминаний»).

Безалабернейший из помещиков и коммерсант

Тургенев был, по его собственному признанию, «безалабернейшим из русских помещиков». Посему поручал управление имением разным людям. Годовой доход с имения в результате составлял около 20 тыс. рублей. К этому добавлялись литературные заработки.

Из воспоминаний Авдотьи Панаевой: «За 1848 и 1849 годы на „Современнике“ накопилось много долгов, надо было их выплачивать, и потому среди 1850 года денег не было, а между тем Тургеневу вдруг понадобились две тысячи рублей. Приходилось занять, чтобы скорее удовлетворить Тургенева, который объявил Некрасову: „Мне деньги нужны до зарезу, если не

дашь, то, к моему крайнему прискорбию, я должен буду идти в „Отечественные записки“ и запродать себя, и „Современник“ долго не получит от меня моих произведений“. Эта угроза страшно перепугала Панаева и Некрасова. Они нашли деньги при моем посредстве и за моим поручительством.

Не прошло и года, как из-за Тургенева произошла остановка в печатании книжки „Современника“. Он должен был дать рассказ, но не прислал его и даже с неделю не показывался в редакцию».

Появившись после отсутствия, Тургенев заявил, что продал рассказ конкурентам, в „Отечественные записки“.

«Некрасов даже побледнел, а Панаев жалобно воскликнул:

— Тургенев, что ты наделал!

— Знаю, знаю! Все теперь понимаю, но вот! — И Тургенев провел рукой по горлу. — Мне нужно было пятьсот рублей. Идти просить к вам — невежливо, потому что из взятых у вас двух тысяч я заработал слишком мало. Я, должно

Книги Тургенева изданы миллионными тиражами. При жизни писателю были выгодней журнальные публикации

быть, находился в лунатизме, проделал все это в бессознательном состоянии».

Под давлением Некрасова и Панаева Тургенев написал извинительное письмо, вернул деньги. После этого в «Современнике» ему в авансах не отказывали.

Еще одна цитата из мемуаров Панаевой:

«Полистная плата Тургеневу с каждым новым произведением увеличивалась. Сдав набирать свою повесть или рассказ, Тургенев спрашивал Некрасова, сколько им забрано вперед денег. Он никогда не помнил, что должен журналу...

— Ох, ой! — восклицал Тургенев. — Я, кажется, никогда не добьюсь того, чтобы, дав повесть, получить деньги — вечно должен „Современнику“! Как хочешь, Некрасов, а я хочу скорей расквитаться, а потому ты высчитай на этот раз из моего долга дорожку за лист; меня тяготит этот долг.

Некрасов хотя морщился, но соглашался, а Тургенев говорил: „Напишу еще повесть и буду чист!“

Но не проходило и трех дней, как получалась записка от Тургенева, что он зайдет завтра и чтоб Некрасов приготовил ему 500 рублей: „До зарезу мне нужны эти деньги“.

Впрочем, сотрудничество Некрасова и Тургенева было взаимовыгодным. «Я ему продал второе издание „Записок охотника“ за 1000 руб. сер. — а он его тотчас же перепродал книгопродавцу Базунову за 2500 (я очень этому был рад, потому что я с тем и продал ему „Записки охотника“, чтобы он получил с них барыш)», — писал Тургенев А. И. Герцену в 1857 году.

Село Спасское было пожаловано предкам Тургенева по материнской линии еще Иваном Грозным

АНАТОЛИЙ ИДАНОВ